КРОКОДИЛ



ПАРЕНЬ — ГРУДЬ КОЛЕСОМ

Рисунок КУКРЫНИКСЫ



ТУРИСТЫ ИЗ-ЗА РУБЕЖА

— Идем, идем, дорогая, я это уже видел в сорок пятом, в Берлине...

Рисунок Н. ЕЛИНСОНА

Ю. ЧЕРЕПАНОВ

А У НАС ВО ДВОРЕ...

Двор, про который я хочу рассказать, не совсем обычный. В нем стоит пушка, которая прошла путь от Сталинграда до Берлина. Есть тут и пара реактивных самолетов и даже якорь с легендарного ледокола «Ермак».

Это двор музея Советской Армии в Москве.

Но все же этот необычный двор схож с другими дворами. В нем всегда много детворы. А как же иначе: ведь здесь можно потрогать настоящий бронепоезд или посидеть на танке. Так что мне оставалось только посматривать и зарисовывать интересные эпизоды.

Понюхал пороху.

ЭТО ОРУДИЕ ПРОШЛО ПУТЬ ОТ СТАЛИНГРАДА ДО БЕРЛИНА

— А если я только что руки помыл?

ЭКСПОНАТЫ РУКАМИ НЕ ТРОГАТЬ!

— Хочу такой танк!

Встал на якорь...

КАТЮША

— Меня папа назвал в ее честь...

Е. ВЕСЕНИН,
специальный корреспондент Крокодила



ОПЕРАЦИЯ «УРА»

В бане имени Мойдодыра все было новое, по последнему слову обмывочной техники. Одна только книга отзывов оставалась прежней, старой книгой жалоб, полной горестных замет.

В Главном банном совете задумались и пришли к выводу:

— Обезличка — вот корень зла! Иванов кивает на Петрова, Петров на Иванова, и оба они — на Сидорова. Надо в корне перестроиться! Пусть каждый отвечает за свой самостоятельный участок и непосредственно перед центром. Специализация — вот что надо.

Сказано — сделано. Провели генеральную перестройку под условным кодом «Операция «УРА». Что означал код, толком никто не знал, но это не помешало под победные крики «У-р-р-а!» разбить единое банное хозяйство на семь отдельных хозяйственных управлений: 1) подогрева горячей воды, 2) охлаждения холодной воды, 3) концентрации пара, 4) заготовок веников и мочалок, 5) распределения шаек, 6) культурного обслуживания в предбанниках и 7) управление исторических изысканий.

Само собой разумеется, в каждом управлении был свой начальник с заместителями, главный инженер и техники, бухгалтер и счетоводы, плановики, экономисты, снабженцы, секретари, курьеры... Все честь по чести.

А порядка в бане не прибавилось, и жалобы росли по-прежнему...

В Главном банном совете еще пуще призадумались и решили: баню, как источник жалоб, ликвидировать. И что же? Как по мановению волшебной палочки жалобы исчезли.

Это все присказка, а вот вам и правдивая быль, смахивающая на сказку.

К подмосковным коммунальникам приехали в гости коллеги из Ленинграда. Поглядели, разобрались, как здесь дело поставлено, и диву дались:

— Наш областной коммунхоз опекает жилье и транспорт, газ и свет, воду, дороги и прочее. Над всеми этими отраслями у нас одно начальство, общие для всех плановики, снабженцы, бухгалтерия. А у вас что ни отрасль — то автономия. Этак вы скоро и питомники цветоводства разукрупните на отдельные хозяйства: хризантемные, сиреневые, иван-да-марьевые.

Выслушали хозяева гостей и только покачали думными головами:

— Не солидно это... Авторитет отрасли становится непоколебимым, если управлениями руководит сам исполком, а не какой-то коммунхоз.

И, пожелав гостям счастливого пути, приступили к решающему этапу «Операции «УРА».

Результаты были ошеломляющие! У всех, кто наведывался в областной коммунхоз, стало троиться в глазах. На здании, где помещалось управление (Новая площадь, 8), вместо одной вывески появились три: «Областное управление коммунального хозяйства», «Областное управление по строительству и ремонту дорог» и «Областное управление «Водоканал». Было одно управление — стало три. Был один отдел снабжения — стало три, вместо одного планового отдела возникло три, вместо одной бухгалтерии — три, вместо... и т. д.

Был один начальник А. Г. Капитонов — стало три: приплюсовались П. В. Буянов и В. Е. Посовалюк. Объем работы у каждого из них после разделения, естественно, уменьшился, плохо ли? Правда, прежний начальник управления облкомхоза, который по долгу службы занимался и чисто коммунальными вопросами, и дорогами, и водопроводом, и канализацией, неплохо справлялся со своими обязанностями, имея под боком одного заместителя и одного главного инженера. Новый же начальник управления облкомхоза П. В. Буянов при меньшем масштабе работы имеет двух заместителей и главного инженера. А. Г. Капитонов стал теперь начальником дорожного управления, у него три заместителя и главный инженер. Вот только начальник управления «Водоканал» В. Е. Посовалюк отстает от своих коллег и пока довольствуется одним заместителем да главным инженером.

Всего под тремя вывесками теперь функционируют двенадцать начальников, заместителей, главных инженеров. И все они, между прочим, с персональными окладами. В общем, штат в управлениях вырос чуть ли не на сорок человек и подорожал на тридцать тысяч рублей.

Разделились, размежевались, распочковались. Теперь в городах и районных центрах области мостовые опекает дорожное управление, а тротуары — коммунальники. У дорожников — техника, у коммунальников — первобытные метлы. Отсюда и оплата труда у дорожников куда более высокая, чем у коммунальников. Дорожники машинами летом убирают мусор, а зимой сметают снег с мостовых на тротуары, создают коммунальникам фронт работы. Те не остаются в долгу и с помощью прадедовских ручных орудий сметают летом мусор, а зимой снег со вверенных им тротуаров опять же на проезжую часть. Благодаря такой системе и те и другие перевыполняют плановые задания.

Сейчас в Московской области действуют двадцать два городских и районных отдела коммунального хозяйства с полным штатом начальников, инженеров, техников, бухгалтеров. И каждый отдел руководит одним комбинатом коммунального обслуживания, который, в свою очередь, имеет полный комплект руководящего, оперативного технического персонала.

Конечно, отделы с удовольствием руководили бы и более обширной сетью, но бог обделил эти 22 райцентра населением, и в каждом из них вполне справляется со всеми видами коммунальных услуг один-единственный комбинат.

Ежемесячно комбинат шлет в отдел отчеты и балансы. И тогда изнывающий от безделья коллектив горкомхоза загорается энтузиазмом. Засучив рукава слово в слово переписывают отчетные документы и за своими подписями отправляют в областную инстанцию...

Такие маломощные коммунхозы, оказывается, еще не так давно были и на Украине. Но там, недолго думая, от них избавились. Просто отсекли, как ненужный аппендикс, и возложили функции райкомхозов на комбинаты. Операция дала отличные результаты...

Министерство коммунального хозяйства РСФСР в информационном листке № 141 широко оповестило об украинском почине всю периферию. Однако в Подмосковье к сообщению отнеслись весьма скептически:

— Так то ж на Украине! Мало ли что...

И листок № 141 подшили к делу «Об улучшении коммунального обслуживания»... Дело это между тем пухнет и пухнет и от принятых решений и от справедливых нареканий населения на неполадки, непорядки и недостатки в коммунальном обслуживании.

Теперь читатели вправе спросить, что же в конце концов означает код «Операция «УРА», под которым проводились бесконечные перестройки коммунального аппарата? Расшифровываем. «УРА» — это должно было означать «Усовершенствование Работы Аппарата».

А у подмосковных коммунальников получилось несколько иное. А именно: «Увеличим Раздутый Аппарат!» И, как видите, в этом преуспели.

Как им удалось этого добиться? Ответ на столь каверзный вопрос может дать специальное исследование. Мы охотно взяли бы его на себя, но для этого потребуется дополнительный штат. А кто нам его разрешит?

Московская обл.



Владимир ШАМША

Корень зла

ПРИТЧА

Однажды в клуб придя, сказал Петров Иван:
«Играть хочу я. Дайте мне баян».

И от завклубом услыхал: «Сейчас
Нет кисти, к сожалению, у нас».

Иван поправил: «Я баян прошу.
Коль надо, я расписку напишу».

«Нет веника, товарищ дорогой».
Иван: «Ты что, смеешься надо мной?

Прошу баян, а ты свое в ответ —
То веника, то кисти, дескать, нет».

Сказал завклубом: «Я, брат, не глухой.
Я слышал все. Но вы народ такой,

Что, научившись хорошо играть,
Порядки в клубе станете ломать.

Сперва организуете кружок.
Ты первым прибежишь ко мне, дружок,

И скажешь: краски поскорей давай,
Бумаги лист хороший доставай.

Мол, объявленье будем мы писать,
Придется кисть для этого искать.

Повалит в клуб потоком молодежь
На вечера. А что с нее возьмешь?

Но после надо будет пол мести,
А, значит, веник мне приобрести.

Начало зная, вижу я конец:
Не будет мне покоя, молодец.

А так мне тут спокойно. Благодать!
Нет, не могу баян тебе я дать!»

г. Одесса.

МИМОХОДОМ

Литератор может начаться с малого и еще меньшим закончиться.

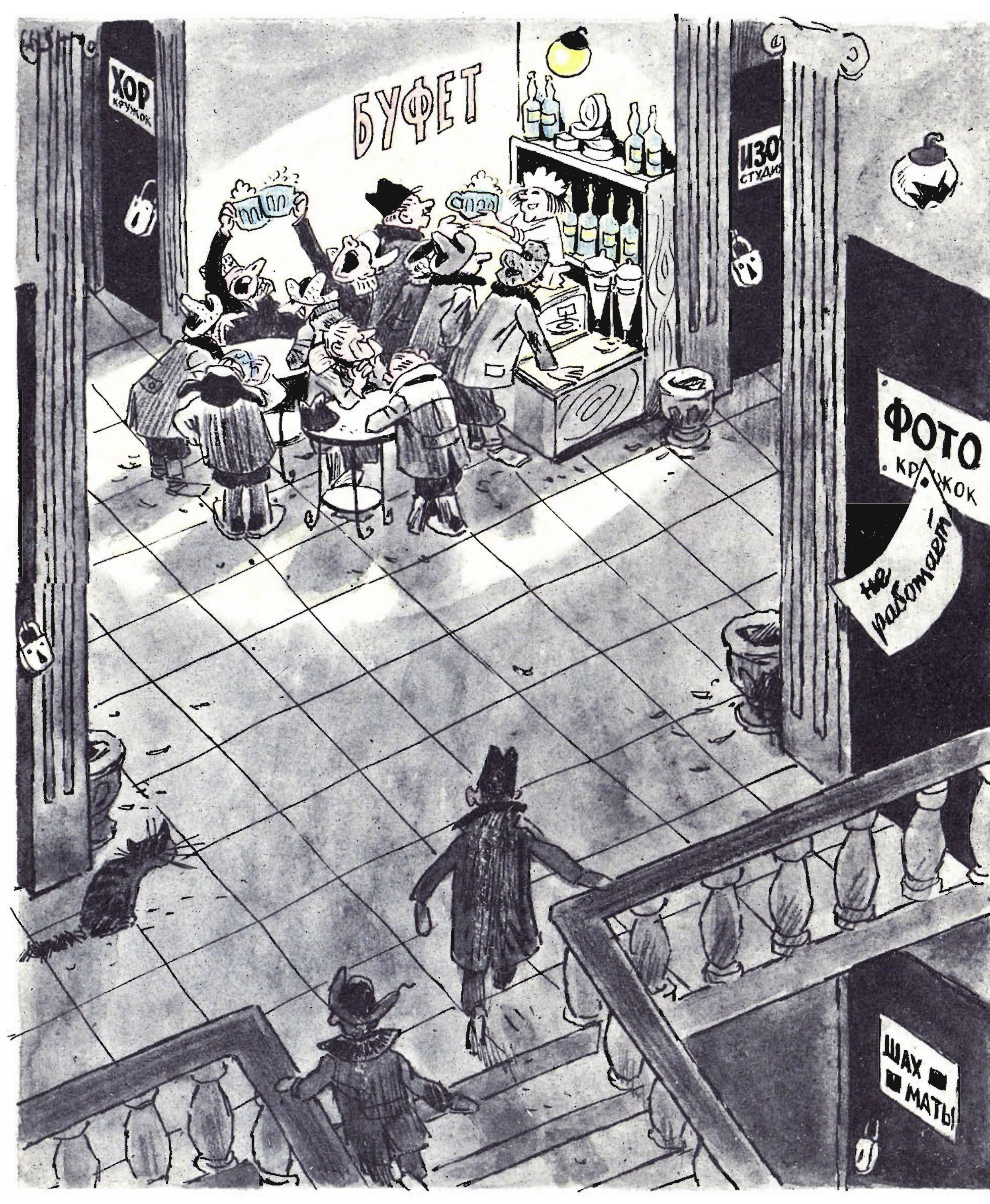
У пустого башмака нос всегда задран.

Распахнутых объятий у критики значительно больше, чем охотников угодить в них.

В литературу идут многие, но приходят только писатели.

Чувству локтя очень необходимо чувство меры.

А. ТИТОВ



«Живой уголок» в Доме культуры.

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Заки НУРИ

Миниатюры

РАЗНЫЕ ХАРАКТЕРЫ...

— Вернусь домой, а тут жена:
«А ну, дыхни!» —
Кричит, грозна.
— А вот моя — наоборот:
Приду —
Дыхнуть мне не дает!..

ТОЧНЫЙ АДРЕС

— Как нам попасть
в райдоротдел!
Есть много неотложных дел.
— Плохих дорог
Немало тут,
И все
В райдоротдел ведут!

ОПРАВДАЛСЯ

— Эй, друг!
Ты почему так долго
Не возвращаешь людям долга!
— Склероз...
Ей-богу, я не вру:
Не помню, у кого беру!

Перевел с татарского
Иван ЗАКОНОВ.

КТО ВЫ, ТОВАРИЩ ИКС?

В первом номере Крокодил объявил конкурс на юмористический и сатирический рассказ. Сегодня мы предлагаем читателям первые произведения, поступившие на конкурс. Напоминаем, что конкурсные рассказы редакция принимает до 1 августа 1970 года. Размер рассказов — от одной до пяти страниц машинописного текста.

На конкурс следует присылать произведения, ранее не опубликованные. Рассказы будут печататься под девизами. Фамилию, имя, отчество, профессию и точный адрес автора нужно написать на отдельном листке, запечатать в отдельный конверт и приложить к рассказу. Не забудьте сделать на конверте пометку: на конкурс «Кто вы, товарищ Икс!».

В конкурсе приглашаются принять участие советские и зарубежные авторы.

Для победителей установлены премии:

первая — 250 рублей,
вторая — 150 рублей,
третья — 100 рублей

Итоги конкурса Крокодил подведет в 36-м номере за 1970 год.

Жюри конкурса — редколлегия журнала.

Рукописи, представленные на конкурс, не рецензируются и не возвращаются.

ГОРОД—СЕЛУ

Знатный изобретатель Лев Иванович Длин победил в областном конкурсе на проект самого экономичного вечного двигателя. Как и полагается в таких случаях, последовали аплодисменты, цветы, грамоты, хвалебные речи и серия товарищеских ужинов. Не осталось в стороне и местное телевидение, пригласившее Льва Ивановича выступить.

— Нет, нет и еще раз нет!— встретил Длина экспансивный режиссер Филиппюк.— Никаких бумажек, никаких шпаргалок! Живое общение с живыми людьми!

Изобретатель открыл было рот с целью сообщить, что однажды он уже выступал на телевидении и имеет поэтому некоторый опыт, но Филиппюк замахал на него руками.

— Мой девиз: раскрепощение, раскрепощение и еще раз раскрепощение! Вы должны войти в каждый дом желанным гостем и повести непринужденную беседу о том о сем... Мои бездарные коллеги не могут придумать ничего лучшего, как усадить своего подопечного перед камерой и сунуть ему под нос бумажку с нуднейшим текстом. А что получается? Истукан! Бревно! И как результат — мешки писем от недовольных зрителей. Нет!.. У меня не посидишь, я не дам бубнить по бумажке. Я что делаю? Я беру метод Константина Сергеевича, добавляю заветы Владимира Ивановича и интерпретирую получившееся кредо применительно к запросам нашего областного телевидения, которое ориентируется в основном на сельского зрителя, потому что область у нас, сами знаете, сельскохозяйственная...

— Мое сообщение сугубо специальное, — попытался вклиниться терпеливый Длин.

— Тем лучше! Полное освобождение от пут студийных условностей — и публика будет бисировать нам, профессор! У вас есть сапоги?

Изобретатель взял отпуск за свой счет и репетировал, репетировал, репетировал... На десятый день Филиппюк удовлетворился содеянным и повел Льва Ивановича писаться на видеомагнитофон.

В день передачи у телевизора сконцентрировались все родные и близкие Длина. Сам Лев Иванович занял кресло прямо перед экраном. В двенадцатом часу ночи, когда на деревне прокричали первые петухи, диктор объявил наконец то, чего все с нетерпением ожидали. Перед ошеломленными домочадцами возник интерьер бревенчатой избы. У печки, в косоворотке и извозчичьем картузе, переступал босыми ногами Лев Иванович. Помявшись немного, специалист по вечным двигателям прошлепал к лавке, достал из-под нее сапог и принялся раздувать им самовар. Когда тот густо задымил, изобретатель подсел к дощатому столу и, расстегивая ворот косоворотки, сообщил:

— Фу-у, в жар ударило...

Затем он вытер рукавом невидимые капли со лба и продолжил:

— Намедни премия мне подоспела...

После этой реплики Филиппюк дал пять минут кинохроники о прошлогодней посевной. Затем мощный юпитер высветил в дальнем углу горницы схему вечного двигателя. Схема поглотила двадцать квадратных метров ватмана и во всей области была понятна только автору да двум кандидатам технических наук из состава жюри конкурса.

Поминутно закатывая глаза под потолок (там висел крупно написанный текст выступления), косолапо расхаживая, жестикулируя не к месту и неестественно широко улыбаясь через каждые двадцать пять секунд (Филиппюк взмахивал красным флажком из-за плеча оператора), Лев Иванович повествовал о своем изобретении. И наконец финишировал.

Тут вдарили ложечники, заспешили балалаечники, изба заходила ходуном. Это самодеятельные танцоры с канатной фабрики демонстрировали свою удаль. Лев Иванович уселся к самовару, высморкался, не прибегая к помощи носового платка, и уставился в объектив передающей камеры. Танцоры, кончив дело, убежали за кулисы. Откуда-то подала голос корова.

— Заболтался я тут с вами, а скотина-ить не доена!— запричитал изобретатель и бросился к двери. Ударившись по дороге о притолоку, он нехорошо выругался и исчез.

Где-то звякнуло ведро, прокукарекал петух, пискнула трехрядка, хрюкнул поросенок... На экране телевизора появилась заставка.

«ОРАКУЛ»

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖЕНИТЬБЫ

Работа начиналась в девять.

Секретарь - машинистка Мусенька вынимала тушь для ресниц, карандаш для бровей, пудру с пуховкой и принималась рисовать на своем пресном, невыразительном личике портрет другой, значительно более красивой женщины. Перед этим она обычно говорила:

— Олег Игорич, не смотрите, пожалуйста.— И улыбалась смущенно и завлекательно.

Олег Игорич извлекал из портфеля утренние газеты, которые доставал из почтового ящика по дороге на работу, и углублялся в чтение.

В половине десятого Мусенька говорила: «Я готова». Олег Игорич засовывал прессу в портфель и начинал диктовать сводки и ответы на рекламации.

Однажды утром Олег Игорич проснулся несколько несвежий после вчерашнего сабантуя с друзьями и подумал так: «Все равно она наводит красоту до половины десятого. Полежу-ка я полчасика в постели».

И с того дня он стал приходить на службу к половине десятого.

Однажды Мусенька проснулась не вполне отдохнувшей после дня рождения подруги Галочки и подумала так: «Почему в конце концов он заявляется в половине десятого, а я обязана приходить к девяти? Вот еще аристократ нашелся!»

И они стали приходить одновременно к половине десятого.

Теперь Мусенька до десяти рисовала на своей мордашке портрет другой, более красивой женщины, а Олег Игорич тем временем спокойно изучал прессу, дожидаясь, пока Мусенька задорно скажет свое: «Я готова». Ровно в десять он начинал диктовать ей сводки и ответы на рекламации.

Однажды утром Олег Игорич подумал: «Все равно она до десяти наводит красоту...» И стал приходить на работу к десяти.

Однажды Мусенька проснулась и подумала: «А почему я, собственно говоря, обязана?..» И стала приходить на работу тоже к десяти.

Однажды утром Олег Игорич подумал и пришел к одиннадцати. А Мусенька поразмыслила и стала приходить тоже к одиннадцати.

Однажды Олег Игорич, однажды Мусенька, однажды Оле, однажды Му, однажды, однажды...

Однажды Олег Игорич пришел на работу в семь часов вечера и видит: стоит у запертого подъезда конторы Мусенька. Она еще не успела поразмыслить и приходила пока что на полчаса раньше, чем Олег Игорич,— в половине седьмого вечера.

— Куда же нам податься?— задумчиво сказала Мусенька.— Контора еще закрыта...

— Действительно,— хмуро отозвался Олег Игорич,— где бы нам обождать до открытия учреждения?

— Может быть, в кино?— предложила Мусенька.

В кино, сидя в последнем ряду, они крепко прижимались друг к другу, как люди одной судьбы. Утром они встали в восемь, скушали яичницу, запили ее коньяком и, будучи порядочными людьми, без промедления отправились в загс.

Из загса они поехали в контору и попросили у начальника три дня без сохранения содержания, чтобы сыграть свадьбу.

— Почему же только три?— ласково спросил начальник.— Можно и тридцать три, тем более что я вас уволил.

— За что?— спросил Олег Игорич.— Разве мы не каждый день являлись на работу?

— Да, но по какому времени?— спросил начальник.— Сначала по копенгагенскому, потом по лиссабонскому, а затем и вовсе по далласскому, штат Техас, времени. А мы здесь, как это ни странно, трудимся по местному.

Тогда Олег Игорич и Мусенька сели в троллейбус и поехали к Мусенькиному папе, славному старичку-пенсионеру, нацеливаясь пожуировать на его трудовые сбережения. А славный старичок взял да и купил на свои трудовые сбережения будильник 2-го Московского часового завода. И завел его на половину седьмого утра да и растолкал молодых ногою, обутой в клетчатый шлепанец. Они встали, скушали яичницу, запили ее кефиром да и пошли рядком да ладком устраиваться на новую службу.

«СОНЯ»



— Чтоб без меня состав команды не назначали!



— Чтоб без меня меню банкета не определяли!



— Чтоб без меня программу концерта не утверждали!



— А вы что, без меня решить не можете?

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА



Главный редактор русского отдела радиостанции «Немецкая волна» посмотрел на комментатора Отто Кирша, раскурил сигару и спросил:

— Герр Кирш, у меня к вам не совсем обычный вопрос: как вы лично относитесь к ленинизму?

Отто Кирш пошел пятнами и с укоризною посмотрел на шефа. Испуганные мысли заметались в голове, как крысы в клетке. «Что я сделал, что я сделал!» Он с трудом проглотил слюну и промямлил:

— Как бывший эсэсовец...

— Знаю, знаю, герр Кирш,— поморщился шеф,— и тем не менее вам придется защищать ленинизм...

Комментатор Кирш зарычал и рефлекторно потянулся в задний карман за пистолетом, но нащупал лишь начатую пачку сигарет.

— Возьмите себя в руки,— сухо сказал шеф,— и перестаньте дергаться. К завтрашнему дню вы должны подготовить комментарий в защиту чистоты ленинского учения.

— В защиту от кого? — выдохнул Кирш.

— От Москвы, дорогой Кирш, от Москвы.

— В каком же духе, шеф?

Шеф снова поморщился.

— Это уже ваша забота, вы комментатор, а не я.

Кирш заперся в своем кабинете и сжал голову руками. Можно было, конечно, написать, что советские подводные лодки готовятся высадить десант где-нибудь в Саарбрюккене или Мюнхене, но благодаря предусмотрительности боннского правительства как раз к этим городам не прилегают ни моря, ни океаны. «Нет, нет, не то»,— замычал Кирш. Ведь от него требуют прежде всего идеологического «дранг нах остен». В голову ничего, как назло, больше не приходило. Отто Кирш был явно не в духе. «Не в духе,— сказал он вслух, подумал и вдруг добавил:— Не в духе!.. Ага, вот он, ход!»

Теперь он уже знал, что писать. Выстукивая пулеметную дробь на машинке, Кирш принялся бойко доказывать, будто Тезисы ЦК КПСС к столетней годовщине со дня рождения Ленина составлены, дескать, «не в духе» ленинизма. Кирш перечитал фразу и удовлетворенно хохотнул. Ловко он загнул. Он, Отто Кирш, оказывается, знает, что в духе, а что нет. Чем занимался этот русский революционер? Как будто революцией... Ага, значит, нужно написать, что Кремль забыл о революции.

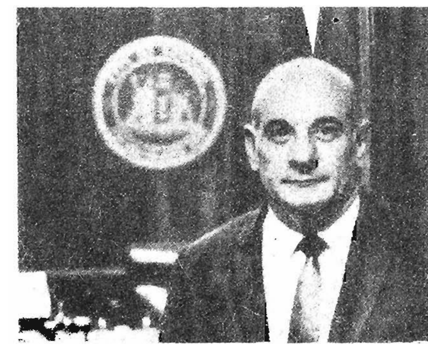
Кирш так увлекся, что не заметил, как пролетело время. Поставив последнюю точку, он перечитал свой комментарий, перекрестился и понес содеянное шефу. Тот прочел его и посмотрел на подчиненного с явным уважением.

— Поздравляю,— сказал он.— Отныне вы назначаетесь главным теоретиком и соответственно будете получать на сто марок в месяц больше.

Назавтра «комментарий» господина Кирша был передан «Немецкой волной» в эфир, что и послужило поводом для нашего фельетона.

С. ГОРСКИЙ





Мэр американского города Ньюарк (штат Нью-Джерси) Аддонизио обвиняется во взяточничестве, покровительстве гангстерам и сокрытии доходов. За все его преступления ему «причитается» 1 320 лет тюремного заключения.

Современный Гулливер.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

Леонид ЛЕНЧ





Жена Джона Смита, среднего американца, жителя Вашингтона, Мэри Смит поехала навестить больную подругу, а сам Смит — он тоже чувствовал себя неважно — остался дома.

Потом Мэри позвонила мужу по телефону и сказала, что бензина на обратный путь не хватит, надо заправиться, подъехать же к колонке она боится, потому что бандиты увидят, что в машине сидит одна пожилая дама, возьмут и убьют ее, а машину угонят. В газетах о таких случаях писали.

— Я сейчас выйду, схвачу такси и приеду за тобой! — сказал Джон Смит в трубку.

— Ни в коем случае! Пока ты будешь хватать такси, бандиты схватят тебя и убьют. О таких случаях газеты тоже писали.

— Что же ты предлагаешь?

— Я переночую у Джесси, а ты закрой дверь на все три замка и посиди уж сегодня у телевизора один, без меня. Привет тебе от бедной Джесси. Не волнуйся, милый, целую!

Средний американец так и сделал: закрыл дверь на три замка, один другого сложнее и надежнее, устроился в кресле поудобнее и стал смотреть телефильм из бандитской жизни.

Фильм оказался тоже средний — скучноватый и пресноватый. На экране кого-то душили, кого-то резали ножами, кому-то стреляли в живот из пистолета, но делали все это не в темпе, вяло, без порыва и энтузиазма, и Смит заскучал. Один раз он, правда, оживился — это когда элегантный молодчик отрывал правое ухо вместе с бриллиантовой серьгой у богатой старухи — своей родной тетки, но потом снова на экране замелькала банальная серятина, и Смит незаметно для себя задремал.

Проснулся он от резкого звонка и громкого стука. Кто-то звонил и стучал во входную дверь.

Смит выключил телевизор, сунул в карман халата револьвер и пошел в переднюю.

— Кто там?

— Откройте, Джон Смит, это я!

— Кто «я»?

— Средний Питекантроп. Понимаете?

— Нет!

— Ну вот вы средний американец, а я ваш, так сказать, доисторический прапредок. И тоже средний. Откройте дверь, вам ничего не угрожает, мне просто хочется поговорить с вами по душам.

Джон Смит был совсем не трус. К тому же он отличался дьявольским любопытством и не был обижен природой по части юмора. Он отомкнул все три замка и, держа руку в кармане халата на рукояти револьвера, широко распахнул дверь своей квартиры.

— Входите, мистер средний Питекантроп!

В прихожую ввалилось рослое, широкоплечее создание, одетое лишь в собственную шкуру из чистой обезьяньей шерсти. У создания был низкий лоб, выдвинутая вперед челюсть, крупные скулы и маленькие, зоркие глазенки, в которых светились фонарики живого ума. Несмотря на свой непрезентабельный облик, создание чем-то располагало к себе.

«Он еще не человек, но уже не обезьяна!» — подумал Джон Смит и сказал ласково:

— Палицу свою вы можете поставить сюда, где зонты и трости. Что это она у вас такая красная и мокрая?

— На вашей улице на меня наскочил один... с револьвером, — сказал Питекантроп. — С таким, какой лежит у вас в кармане халата (Джон Смит покраснел и вынул руку из кармана). Пришлось огреть его разок палицей по черепу. Ничего, не беспокойтесь, она скоро обсохнет.

Он прислонил свою палицу к стойке для зонтов и классическим жестом озябшего джентльмена потер одна о другую громадные, волосатые лапищи.

— Погодка на улице — бррр!.. Даже сквозь мою шерсть пробирает.

Прошли в комнату. Джон Смит усадил ночного гостя в кресло.

— Что будете пить, мистер Питекантроп?

— То, что вы!

— Тогда чистое виски.

— Пожалуйста!

Выпили чистого. Средний Питекантроп посмотрел на среднего американца и сказал:

— Позвольте начать наш разговор с главного.

— Конечно! Прямо берите быка за рога!

— Мы говорили иначе: бери мамонта за бивни! Я пришел вас пожалеть, Джон Смит.

— Непонятно!

— Сейчас поймете. Вы человек современной цивилизации, живете в XX веке в самой цивилизованной стране мира, но ведь по части безопасности жизни мы, ваши доисторические предки, находились в лучшем положении, чем вы.

— Ну, это вы уж хватили, мистер Питекантроп! — обиделся за XX век и его цивилизацию Джон Смит.

— Ничуть! — спокойно сказал Питекантроп.— Мы жили среди дикой природы в окружении диких зверей. Всякие напасти подстерегали нас на каждом шагу. Но мы были, во-первых, сильны, во-вторых, готовы были встретить их грудью ежеминутно и, в-третьих, — это самое главное! — кроме палицы и камня, нашим оружием был обостренный инстинкт, то есть таинственное внутреннее чувство опасности. Инстинкт вами утрачен, а опасностей у вас больше, чем у нас.

— Чепуху вы несете, мистер Питекантроп!

— Какая же это чепуха, когда вы у себя в столице, в вашем Вашингтоне, боитесь вечером выйти на улицу. А в Нью-Йорке? Ну-ка суньтесь вечером в Центральный парк. Через десять минут вас ограбят или убьют!

— Тут вы, пожалуй, правы... Но мы можем сделать то, чего не могли сделать вы. Мы можем, хотя бы временно, вырваться из города, рассадника преступлений, и уехать куда-нибудь далеко, на лоно природы, в какой-нибудь райский уголок, где...

— Где вас и укокошит какая-нибудь банда выродков вроде этих ваших «хиппи», которые зарезали киноактрису... беременную женщину... Не помню ее фамилии. Знаете, даже у нас такого не бывало!..

— Это исключительный случай. И потом вы еще забываете, что у нас есть полиция, которой у вас не было.

Средний Питекантроп захохотал и замахал лапами.

— И слава богу, что ее не было!

Средний американец смутился.

— У нас в Америке действительно много преступников, это мы сами признаем. Но ведь существует милая старушка Европа. Там мы, американцы, всегда можем отдохнуть душой. Для этого стоит лишь сесть в трансконтинентальный самолет...

— И попасть в лапы воздушных пиратов! — ядовито усмехнулся средний Питекантроп.— Один этот ваш Рафаэле Миникьело чего стоит! Ему, видите ли, захотелось повидать в день своего двадцатилетия старого папу, живущего в Италии, так он взял билет до Сан-Франциско, а в воздухе заставил пилотов высадить всех пассажиров в Денвере, набрать в баки керосину и махнуть в Италию, в Рим. Тринадцать часов полета, 11 тысяч километров... и все с помощью одного карабина военного образца!

— Вьетнам! — развел руками Джон Смит.— Он служил в нашей морской пехоте, ну его там и обучили... кое-чему...

— Вы объясняете, но не опровергаете!

Спорили они долго, пока не осушили всю бутылку виски, но к единому выводу не пришли. Питекантроп стал собираться уходить, но Джон Смит запротестовал:

— Что вы! Вас же пристукнут. Вы слегка захмелели, ваш инстинкт притупился, боюсь, что даже ваша палица вам сейчас не поможет. Оставайтесь ночевать у меня, я лягу на кровать жены, а вы на мою.

— Я лучше лягу на эту шкуру! — Питекантроп показал на шкуру белого медведя на полу у столика с телевизором.— Сами содрали?

— С меня содрали... за нее! Пожалуйста, ложитесь на шкуру. Вы славный парень, мистер Питекантроп!

— Вы тоже, Джон Смит... Спокойной ночи!

* * *

Мэри Смит вернулась рано утром. Она открыла своими ключами дверь, вошла в гостиную и увидела своего мужа спящим на шкуре белого медведя. Рядом с ним валялась пустая бутылка из-под виски. Мэри растолкала Джона и... И тут начинается уже рассказ на другую тему.

НА



«Пожалуйте в вытрезвитель»

Так любезно приглашал начальник медицинского вытрезвителя гор. Зимы, Иркутской области, тов. Печков каждого, кто собирался уволиться с работы. Оказывается, без подтверждения тов. Печкова в обходном листе о том, что жители гор. Зимы не задолжали вытрезвителю, они уволиться не могли («Крокодил» № 24 за прошлый год).

Как сообщил редакции заместитель начальника УВД Иркутского облисполкома полковник милиции тов. С. Шустиков, эта нелепая и оскорбительная «практика проверки задолженности за обслуживание в медицинском вытрезвителе» запрещена. Начальник медицинского вытрезвителя тов. Печков наказан в дисциплинарном порядке.

«Мой счастливый уик-энд»

После работы, в субботний и воскресный дни жителям Вышнего Волочка хочется отдохнуть. Культурно. Скажем, заняться спортом, покататься на лодке, искупаться. Или погулять в городском саду и потанцевать. Но как все это сделать, если в городе нет ни стадиона, ни лодочной, ни водной станций? Правда, городской сад есть, но там в основном функционирует «клуб четырех козлов».

Хотите посмотреть спектакль или послушать концерт? Пожалуйста. При условии, что вы сумеете добраться до нового Дома культуры, который находится на окраине, куда нет транспорта.

Нет в городе и молодежного кафе. Но зато в центре города, в сквере, на свежем воздухе вы можете получить вино прямо из цистерны, распивочно или навынос. А если выпьете лишку, не беда. Вас тут же, не отходя от «прилавка», подберет кремовая милицейская машина.

Именно о таком культурном времяпрепровождении жителей города было рассказано в фельетоне «Мой счастливый уик-энд» («Крокодил» № 26 за 1969 год).

Как сообщает секретарь Калининского обкома КПСС В. Бельченко, бюро Вышневолоцкого ГК КПСС признало критику Крокодила верной. Исполкомом горсовета разработаны конкретные меры по улучшению работы культурно-просветительных учреждений и спортивных организаций.

Уже сдан в эксплуатацию стадион «Спартак». Организован прямой автобусный маршрут из центра города к Дому культуры; намечено открытие молодежного кафе; устранены нарушения правил торговли спиртными напитками.

«Коммунальная хватка»

Так назывался фельетон, опубликованный в № 34 нашего журнала за прошлый год. В нем рассказывалось о сражении, которое произошло в городе Новосибирске между филиалом Московского технологического института легкой промышленности и местным институтом инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии.

«Казусом белли», то есть поводом к войне, послужила дележка служебной площади между этими двумя учреждениями.

Верх одержала боевая дружина технологов, предводительствуемая директором филиала Н. Г. Овеченко. Она выбросила из кабинетов оборудование своего противника, стоящее десятки тысяч рублей, причем швыряла хрупкие приборы так, как обычно швыряют дрова. «Дров» наломали порядочно. Оборудования было раскашено на 85 тысяч рублей с небольшим хвостиком.

После опубликования фельетона мы получили ответ от прокурора Новосибирской области тов. Серебрякова. Он сообщал, что:

а) по факту повреждения дорогостоящего оборудования было возбуждено уголовное дело,

б) по делу предъявлено обвинение директору НФМТИЛП Н. Г. Овеченко по статье 170, часть 2-я Уголовного кодекса РСФСР,

в) центральный нарсуд города Новосибирска осудил Овеченко Н. Г. к двум годам лишения свободы условно.

Такой приговор значит: только в том случае, если в течение двух лет гр-н Овеченко совершит еще такой же лихой налет и нанесет государству экономический ущерб, приговор будет уже безусловным.

Вот так! Загубил добра на 85 тысяч рублей, а не пострадал даже на 85 копеек.

Меры, принятые в Новосибирске, пока явно «не вытягивают» на «Приз справедливости», учрежденный Крокодилом.

— Ведь предупреждали, что не надо строить завод на самовольно захваченной колхозной земле!

Рисунок И. СЕМЕНОВА



С козырей!

Новосибирская база «Посылторга» умеет радовать своих клиентов. Гр-ка Белкина из Свердловской области, пожелавшая получить платяную щетку, спустя некоторое время была приглашена на почту.

Каково же было ликование заказчицы, уплатившей на почте семь рублей, когда из вскрытой посылки были извлечены... карты. Прелестные игральные карты. Да еще сразу три колоды.

Правда, сама г. Белкина в карты не играет. Но к ней отныне с удовольствием заглядывают на огонек приятели — любители «кинга» и преферанса. Расширился круг ее друзей, оживленнее стало в доме.

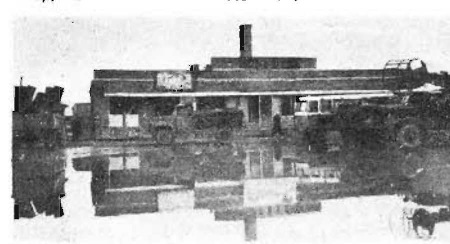
Конечно, самое приятное то, что Новосибирская база не огорчила просительницу отказом. И вместо открытки с унылым «не имеется в наличии» смело зашла с козырей.

Л. ЕГОРОВА.

Не едиными щами...

Тлюстенхабль. Запомните это слово. Может быть, завтра наиболее изобретательных работников сферы питания будут называть «тлюстенхаблевцами».

А пока что так называется поселок строителей Кубанского водохранилища, Теучежского района, Адыгейской автономной области, где стараниями управляющего трестом «Краснодаргидрострой» Антоняна А. А. открыто первое в мире кафе для водоплавающих посетителей под названием «Аэлита».



А. А. Антонян правильно рассудил, что не едиными щами суточными, шницелем рубленым и компотом сухофруктовым жив человек. Нужна романтика. Так появилось перед «Аэлитой» это миниатюрное водохранилище, отражая и удваивая ее кирпичную земную красоту.

Хочешь щец — покупай болотные сапоги, потянуло на шницель — садись на вездеход, надумал выпить стакан компота — овладей стилем «кроль»!

А. ТОЛЬЯН.

КАК ЭТО НАЧАЛОСЬ

— Может, сбегать? — последний раз испытал меня Вася.

— Забудь,— сказал я каменно и поставил на стол кипящий красавец самовар производства тульского завода «Штам» имени Ванникова.

Начиналась новая жизнь.

Мы заглянули в бока красавца, и в наших расплывшихся больщеносых лицах отразилась светлая дорога нашего безалкогольного будущего.

— Вася,— взволнованно начал я,— в долгие зимние вологодские вечера кто, как не он, согреет нас своим теплом, поможет повышать агротехническое образование, наращивать культуру? Кто, как не он, скрасит телепрограмму для села? Этот мудрый механизм, плод гения тульских умельцев, заменит нам коварную поллитру, которая...

Что-то треснуло, и от самовара отскочила пластмассовая ручка.

— О чем бишь я?... Да! Так вот, этот плод гения...

С треском отпала вторая ручка. В стакан с заваркой дробно посыпались шурупы.

Черт! — сказал Василий, пытаясь вручную открыть огнедышащую крышку.— Может, сбегать?

Забудь! — сказал я деревянно, подставил стакан и открыл краник Кипяток не тек. И это понятно: сквозь отверстия такого диаметра вода вообще никогда не текла и течь не может.

Сбегали за шлангом. Привычно, по-шоферски, потянув через трубу, Вася не только обварился сам, окатил стол и меня, но и попал на кота Тимоху, который удалился в сторону огородов. Вопль его стал слышен позже: по-видимому, Тимофей перешел звуковой барьер.

— Может, сбегать?» — спросил меня взглядом Василий, высовывая ошпаренный язык в форточку.

— Давай,— сказал я, глядя в самовар, в блестящих боках которого отражались будущие протоколы, плачущая жена и моя ошпаренная нога...

У. М.

Короче говоря...

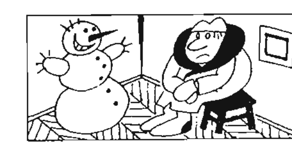
Железнодорожники любят рассказывать анекдоты о рассеянных пассажирах. Но что там анекдоты! Вот вам действительный случай. Он произошел 13 декабря 1969 года на вокзале г. Саратова. Восемьдесят пассажиров, имея билеты на поезд № 918, вышли на перрон и сели в отцепленный вагон. Нетрудно догадаться, что было дальше. «Это что за



остановка?» — вопрошали чудак , дивясь тому, что все станции как близнецы, похожи на вокзал г. Саратова Вот к чему привела рассеянность... железнодорожников, забывших прицепить вагон к поезду.

Пассажиры З. ТИЧЕНКО, Т. ГОРБОВСКАЯ и другие (всего 15 подписей).

В Беляево-Богородском жильцы корпуса № 50 квартала 46—47 могут играть в снежки, не покидая своих квартир. Снег проникает через межпанельные швы. В Управлении жилищного строительства № 1 Главмосстроя решили пока не герметизировать их: пусть жильцы полностью насладятся матушкой-зимой в домашних условиях.



М. ЮЩЕНКО
г. Москва.

Н. САМОХИН

ЕМУ ТРУДНЕЕ

Рассказ

Жизнь прожить, уважаемые товарищи, не поле перейти. В жизни то и дело случаются разные неприятности, утраты, изъяны и недоразумения. И в такой ситуации хорошо иметь родственную душу, доброго приятеля, к которому можно зайти в любое время и поделиться своими сомнениями.

У меня, к счастью, такой знакомый имеется. Очень удобный в этом смысле человек. Достаточно минут пятнадцать с ним пообщаться, как все ваши личные неприятности отлетают на задний план.

Помню, первый раз я к нему зашел, когда меня обчистили в трамвае. Какой-то сукин сын вырезал карман у нового демисезонного пальто вместе с деньгами и двумя пригласительными на торжественный вечер по случаю праздника Восьмое марта. Даже пачку сигарет забрал, подлец. Начатую.

И вот я оказался в таком дурацком положении. Во-первых, курить страшно хочется от волнения, а нечего. Во-вторых, денег на обратный проезд нет. Деньги у меня вообще-то были. Во внутреннем кармане лежало четырнадцать рублей. Но не мои — профсоюзные. И я к ним, конечно, притронуться боялся.

Дай, думаю, зайду к приятелю — он как раз тут поблизости живет. Посижу у него, перекурю и мелочи стрельну на дорогу.

И зашел.

Приятель оказался дома. Он стоял посреди комнаты, а вокруг него лежали не полностью еще распакованные новые стулья.

— Привет,— поздоровался я.— С обновкой тебя, выходит? Ну, поздравляю. Я вот тоже пальто завел себе новое. Вернее, было новое. До сегодняшнего дня. А сегодня какой-то...

— Купил вот, как видишь,— перебил он меня.— Да разве это стулья? Дрова это! — Он мрачно пнул ногой ближайший.— По девять рублей штучка. Последние деньги угробил — завтра побираться пойду. А на черта они мне нужны, спроси. Ты думаешь, я на них сидеть буду? Да пусть меня лучше расстреляют! У меня вон табуретка есть, и то я ей не пользуюсь. Я в крайнем случае на корточках посидеть могу. А эту поганую табуретку на всякий случай держу: может, повеситься пригодится.

— Да что ты, что ты! — испугался я.— Какие слова говоришь! Тебе еще жить да жить. Ну купил, ну аллах с ними — со всяким бывает. Запихай их в кладовку или на балкон выбрось...

Часа полтора я его утешал. Кое-как поднял настроение. Денег дал взаймы до получки — казенных. Восемь рублей.

А сам пошел домой пешком. За карман свой выпластанный уже, конечно, не держался. Господи, что там мой ничтожный карман, когда у человека такое потрясение!

В другой раз я завернул к нему, когда мне в очередной, уже четвертый, раз отодвинули очередь на квартиру. Нашелся более нуждающийся товарищ, который в связи с переездом на его жилплощадь престарелого папаши не мог дальше помещаться с женой и двумя детьми в прежней трехкомнатной секции. Понятно, домой заявляться с такими новостями для меня был нож острый, и я побрел к моему знакомому.

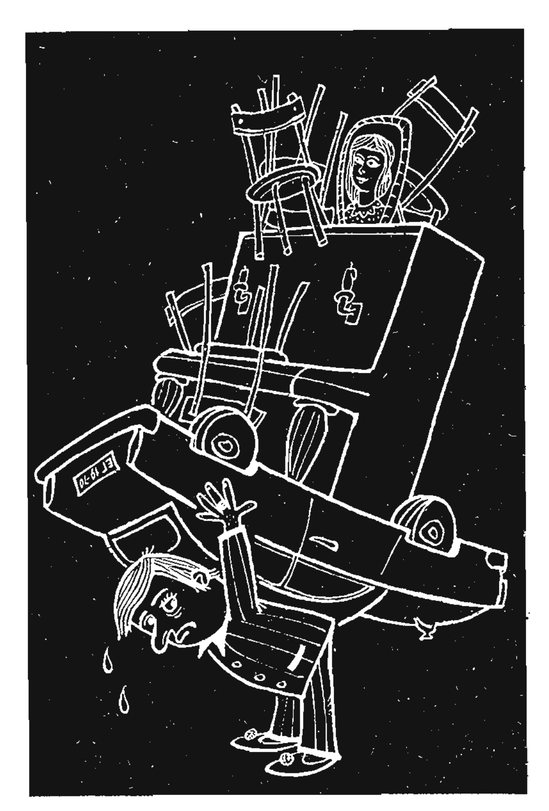
Он как раз затаскивал на четвертый этаж только что купленное пианино. То есть заносили, разумеется, нанятые грузчики, а он стоял внизу и истерично выкрикивал:

— Так!.. Бей его о ступеньки! Царапай! Вали его, сволоча, на бок! Ломай его! Уродуй!..

Увидев меня, он сделал плаксивое лицо и сказал:

— Есть у тебя раскладушка, старик? Ночевать попрошусь — не выгонишь?.. Мне уж теперь здесь не жить. Здесь теперь пианино жить будет. А я по квартирам пойду. На постой! Докатился до веселой жизни!

Я охнул и, развернувшись, рысью побежал в магазин за бутылкой — сразу понял, что его в этаком состоянии насухую не утешишь. Никакие слова не возьмут...



Когда у меня сгорел сарай вместе с мотоциклом «Ява», я уже знал, куда надо идти.

Правда, нашел его не сразу. Оказалось, что он сменил квартиру и переехал в другой район. Пришлось разыскивать через справочное бюро.

Застал я его в чрезвычайно угнетенном состоянии. Он лежал на кушетке, отвернувшись лицом к стене, и первое время даже не отвечал на вопросы. Только отбрыкивался локтями. Потом перевернулся на спину и, уставив скорбные глаза в потолок, тихо спросил:

— Ну, видал?

— Кого?

— Квартиру,— скривился он.

— Еще бы. Аэродром!

— Конура,— сказал он.— Да не в этом дело. Ты комнаты сосчитал?

— А как же! Четыре штуки. Причем две несмежные. Люкс! Помирать не надо.

— Теперь соображаешь? — спросил он.— Четырехкомнатную легче на две отдельные поменять. Я только сейчас докумекал. Лежал, лежал — и докумекал.

— Зачем же тебе менять? — удивился я.

Он горько усмехнулся.

— Мне-то не надо.— И, приподнявшись на локтях, шепотом сказал: — Бросить она меня решила! Понял?

— Кто? Тася?.. Да что ты плетешь, опомнись!

— Точно,— сказал он.— Сомнений больше нет. Сам подумай: зачем ей четыре комнаты понадобились? Площадь-то почти не прибавилась — каких-нибудь три квадрата... Бросит, змеюга. По глазам вижу.

— Ладно,— сказал я.— Лежи. И будь спокоен. Я с ней поговорю.

А сегодня у меня особенно мрачный день. Строгий выговор объявили. За растрату профсоюзных средств. И как я про те восемь рублей забыл!

Вдобавок еще пальто новое, которое я после вырезания кармана в ремонт относил, в четырех местах прожгли. Насквозь, до подкладки.

Но это все семечки по сравнению с тем, что случилось у него. Он на днях «Волгу» по лотерее выиграл.

Надо идти к нему. Может, сумею чем-нибудь помочь.

г. Новосибирск.

Э. АБРАМОВ



ПОДСВЕЧНИК НА ПАМЯТЬ

Раз в год на шикарно обставленной платанами Пушкинской, у входа в Одесский музей западного и восточного искусства, останавливается «газик». Подтянутый человек шествует по прохладным залам. Ему сейчас не до Каравадджо и Веронезе, Каналетто и Боля. С планшетом наизготовку он обходит подсобки, поднимается на крышу, долго исследует подвал. Все больше мрачнея, он удаляется в директорский кабинет и, поглядывая в прошлогоднюю бумажку, пишет новый акт, привычно констатирующий:

1. Полное отсутствие электрозвуковой охранной сигнализации.
2. Отсутствие специальной охраны.
3. Крайне плохое состояние окон.

Мрачный милицейский работник отпускает машину. Он направляется в археологический музей, сожалея, что утром не захватил копирки. Предыдущий акт, он знает, вполне пригодится и здесь...

Но его ждет новость: акт нужно дополнить пунктом «Наличие устаревших мебели и витрин». Потому что, оказывается, здесь украдены нательные крестики времен Киевской Руси. Инструментом преступления послужил большой палец злоумышленника, каковым он раздвинул куски витринных стекол...

Недавно две тысячи пятьсот древнегреческих монет незаметно удалились из музея, минуя двери, каминный дымоход и вентиляционный канал. Оконные рамы тоже никто не высаживал. И потому определилась одна примета злоумышленника: хрупкое телосложение. Поскольку прибыл и убыл он через незастекленную по музейной бедности форточку.

Иногда тащат просто потому, что плохо лежит. Ненадежно закрыто. В домике Петра I, что в Коломенском, два гражданина крепко заспорили, кто первым одолеет барьер на пути в светлицу и захватит в полон вилочку работы неизвестного мастера XVII века. Волю к победе проявили оба. Перекинули ножки через барьер и прихватили к вилочке весь столовый прибор.

Это средь бела дня. А в ночи?

В это время суток другие «почитатели» старины стали единственными обладателями еще 25 предметов обихода самодержца российского. Шкатулок, курительных трубок, чернильных приборов, опять-таки моднющих подсвечников и ножничек для снятия нагара...

Как уже сообщалось в прессе, в Красноярском краевом музее то и дело недосчитываются старинных медалей, монет, книг.

Убыточный перечень, к сожалению, не так краток, как хотелось бы. Но уже самое время дать читателю отдохнуть от уголовной хроники, присесть на скамеечку в центре выставочного зала и поразмыслить над некоторыми несообразностями музейной жизни.

В последние годы намечается девальвация некоторых устоявшихся литературных штампов. Например, такого, как «музейная тишина». То есть по-прежнему посетителя обувают в мягкие тапочки, по-прежнему осуждают здесь чересчур высокие голосовые модуляции.

Но тесным-тесно стало в музеях.

Повсеместно наблюдаемый туристический энтузиазм населения коснулся и их. На поклон к сокровищницам искусства потянулись бесконечные толпы желающих познакомиться с прекрасным. Явление, безусловно, отрадное. Из далеких градов и весей прибывают люди — зазорно показывать им кое-что и кое-как. Самое время расширить экспозицию. И вот тут-то выясняется, что несметных богатств так много, что охранять их от отдельных малокультурных граждан не хватает пороху.

В прямом и переносном смысле.

Упомянутые выше одесские музеи, содержащие уникальные произведения искусства, коим цены нет, не имеют никакой спецохраны. Огромные помещения ночью охраняет один-одинешенек сторож, по совместительству пожарник. То же — в Красноярском краевом, то же — в Канском краеведческом, где экспонаты от дурного глаза оберегает техничка, живущая в том же здании.

Уникальное собрание русского ремесленного искусства в филиале Исторического музея в селе Коломенском хранит одинокая старушка из вневедомственной охраны. Ничем, кроме как заклинаниями типа: «Уйди, мил человек, от греха подальше!» — татю в нощи она противостоять не может.

А ведь, кроме сторожей, нужна еще и какая-нибудь сигнализация. Нужны кое-где хотя бы просто решетки на окнах. Наконец, огромный приток экскурсантов вынуждает увеличить и число музейных служителей. Порой на каждого из них приходится два, а то и три зала...

Острой нехватки ценных указаний сверху в общем-то не наблюдается. Министерство культуры низвергает приказы: усилить охрану. Но как? Большинству музеев содержание круглосуточного милицейского поста накладно. Да и не только в средствах защиты имеется дополнительная потребность. Она лишь наиболее неотложная. А сменить двадцатилетней давности витрины, изъеденную жучками мебель? Подновить экспонаты? Водрузить множество новых?

Музейная служба пока что почти целиком на содержании государства. А способна ли муза изящесть не только сама прокормиться, но и давать доход?

— Да, это возможно,— отвечает директор Одесского археологического музея тов. Черняков.— Заморские туристы, тучами осаждающие наши музеи, всегда купят сувениры — копии экспонатов.

— Конечно, возможно,— резюмирует начальник отдела музеев Министерства культуры СССР тов. Анощенко.— Однако, когда мы открыли кое-где при музеях художественные мастерские, местные финорганы их тут же прикрыли, поскольку неясно было, какой план им спускать...

А между тем всякий с удовольствием купит в музейном киоске и скифского божка, и африканскую статуэтку, и саркофаг дочери главного жреца храма Амона.

Разумеется, в копии. Чтобы надежнее сохранить оригиналы.

Самиг АБДУКАХХАР

СОВЕТЧИК

**Течет непринужденная беседа.
Певца в кругу сменяет острослов.
Рождается восьмое чудо света,
Которое мы называем плов.
Он будет ароматным, нежным, вкусным:
Над ним священнодействует Гияс,
Шедевром кулинарного искусства
Блистал он средь друзей своих не раз.
А друг наш Раджаббай, сидящий тут же,
Советами помочь Гиясу рад.
И вот уже плывут они, как тучи,
И сыплются на голову, как град:
«Подлей воды!», «Не мало ли моркови!»,
«Ты не забыл айву и барбарис!»,
«А тмин!.. А как кишмиш — он будет в плове!»,
«Давным-давно пора засыпать рис!»,
«Салат готов!.. А соль!.. А красный перчик!
Пусть преет плов и будет пир, как пир...»
Но знали все, что опытный советчик
Не ведает, как в руки взять капгир.
И кто-то из друзей сказал на это:
«Здесь вечного закона торжество —
Тот больше всех другим дает советы,
Кто знает мало или ничего!..»**

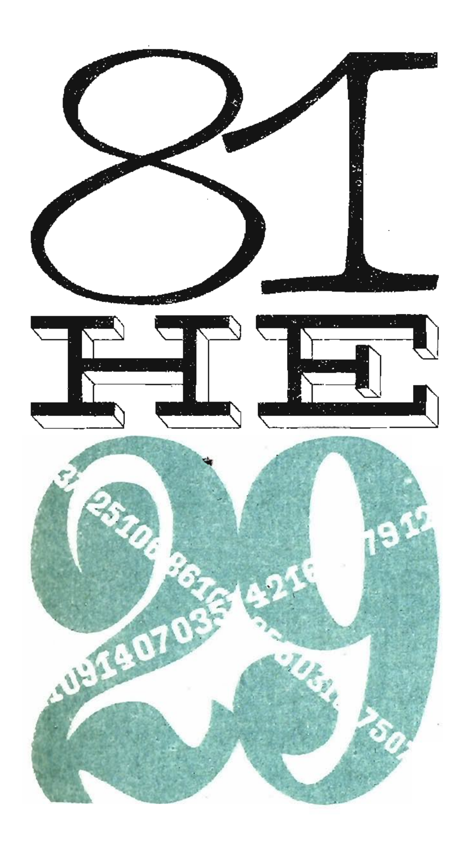
Перевел с узбекского Дм. ПОЛИНИН.



Съемка скрытой камерой.

Рисунок С. КУЗЬМИНА

Е. МАТВЕЕВ,
специальный
корреспондент
Крокодила



Видите, какие голые цифры в заголовке! Автор не виноват, он не хотел этого. Он хотел придумать красочный заголовок, под которым был бы напечатан большой такой экономический фельетон на материалах Удмуртской АССР.

Были у автора такие намерения. Он даже с художником договорился насчет иллюстрирования различных нужных пространных мыслей.

Автор планировал рассказать читателям о двадцати девяти предприятиях Удмуртии, недодавших по разным уважительно-неуважительным причинам ожидавшуюся от них в прошлом году продукцию. Как-никак, на 19 322 000 рублей ее недополучено.

Можно было бы рассказать, к примеру, о сарапульском заводе, который сумел выполнить годовой план лишь на 23,3 процента. Тут и трудности с освоением новой технологии, и нехватка того-сего из материалов и оборудования, и текучесть рабочих, которым жилья не строят. А жилье не строят потому, что первоочередно и изо всех сил сам завод расширяют...

Но тут автор обратил внимание на то, что 23,3 процента — очень условная цифра. Ее и побольше можно сделать и приуменьшить, а она все равно будет верной. Смотря по тому, с каким годовым планом сопоставлена будет.

В январе был один годовой план. К марту всем стало ясно, что с этим первичным планом заводу не справиться. Тогда министерство план уменьшило.

Но к июню выяснилось, что и второму плану не суждено быть выполненным. Ладно. Уменьшили еще раз.

Но к октябрю стало ясно, что и третий план... Опять снизили.

А когда увидели к концу года, что слишком мало занижали, что все равно никакими выполнениями не пахнет, то посожалели об этом. А потом раз — и цифра плана снова подскочила вверх. Пусть завод будет выглядеть еще отстающее, чем раньше, но зато за его счет можно подтянуть цифры на других родственных предприятиях.

Пришлось автору заинтересоваться и заводами-передовиками, теми, которые, судя по отчетам, планы свои перевыполнили.

Вот, скажем, Ижевский пивоваренный завод. Имеет право гордиться своим сто одним процентом. Однако ижевцы за пивом порой в кинотеатр бегают. Покупают билет, идут в буфет кинотеатра, набирают там авоську пива—и обратно. Содействуют таким образом выполнению плана кинопроката. Правда, и в кинотеатрах пиво бывает не еженедельно.

Что же оказалось! Оказалось, что не 101 была бы цифра выполнения, а 93,5, но завод сумел добиться снижения годового задания.

А вот на Пудемском листопрокатном заводе совсем уж было раздосадовались. Трех десятых процента не дотягивали до плана со всеми не вытекающими отсюда премиальными последствиями. Но обошлось и здесь. Уменьшили план на сколько надо, и вот уже 100,6 процента, в итоге — и премия.

Когда в конце года на собрании городского актива в Ижевске некоторые директора отстающих предприятий уверенно обещали догнать план, они говорили «догнать», и им верили. Это только потом выяснилось, что во время выступлений у всех выпадала приставка «по».

Восемьдесят предприятий добились снижения годовых заданий.

И об этом тоже автор вознамерился написать расподробнейше. Но, как на грех, взял да и поинтересовался еще одним заводом с канонадным названием «Ижтяжбуммаш». Этот завод наделал машин для бумажной промышленности на 100,8 процента.

Чтобы получилась такая цифра, пять раз урезало ему план Главное управление целлюлозно-бумажного машиностроения Министерства химического и нефтяного машиностроения СССР. Так что план вроде и выполнен, а на самом деле недодано машин на три с половиной миллиона рублей. Так что это — восемьдесят первое предприятие.

Вот тут-то автора и затерзали сомнения. Бумаги-то у нас и так маловато, а тут и еще урезать придется. Сверхпланово. Где уж тут на огромный фельетон замахиваться — было бы на чем маленький напечатать без всяких там иллюстраций.

Вот автор свой фельетон и урезал до совсем голых цифр. Мало ли чего он вначале планировал!

г. Ижевск.

— Разбаловал ты своих подчиненных! Никто лыжню проложить не догадался!

Рисунок
Л. СОЙФЕРТИСА

А. ШЕЙНИН,
специальный корреспондент Крокодила

Скажи мне, кто твой друг...

Народная мудрость гласит, что узнать порядочного человека нетрудно. Скажи мне, кто твой друг, и я скажу...

Увы, нет-нет, да и встречаются среди нас люди, которые сами себя полагают порядочными, однако же вот такой простой проверки явно не выдерживают.

Не то, чтобы они совсем не терпели возле себя достойных работников, но почему-то для них всего дороже отпетый проходимец. За него они — горой. Прямо-таки медом их не корми, дай только возможность держать под своим руководящим крылом хоть одного завзятого жулика!

Не буду голословен.

В свое время Д. И. Коган въехал в Волгоград не на белом коне и даже не на персональной «Волге». Выглядел он, скажем прямо, гораздо хуже ощипанной курицы: позади было уже две судимости за воровство и злостное хулиганство. В послужном списке Когана, выданном управляющим Куйбышевским трестом баннопрачечного и парикмахерского хозяйства значилось:

«Коган, работая в должности старшего женского парикмахера, за время своей работы проявил себя с отрицательной стороны... Занимался присвоением государственных средств, присваивал выручку и имущество парикмахерской, склонял молодых женщин-парикмахеров к сожительству, а неугодных ему выгонял... Избил мужского парикмахера тов. Чернова за то, что тот потребовал ответа от Когана за оскорбление его дочери. Коган был судим за избиение Чернова».

Несмотря на такую живописную рекомендацию, директор Волгоградского комбината парикмахерского хозяйства Н. Золотов и его заместитель по кадрам В. Сиволапов встретили приехавшего с распростертыми объятиями.

— Дорогой! — сказали они хором.— Друг! Ты нам вот как нужен! Только вот о прошлом твоем мы ничего не знаем. Трудовая книжка в порядке?

— Не извольте беспокоиться за книжку,—скромно потупив взор, пролепетал парикмахер.— У меня там целых две благодарности...

То, что они были многолетней давности, никого не смутило.

— Отлично,— резюмировал директор комбината — назначаем тебя заведующим дамской парикмахерской. Ты смотри у меня, трудись!..

— Буду стараться! — воскликнул ошалевший от счастья новоиспеченный заведующий, никак не ожидавший такого приятного поворота событий. В лучшем случае он рассчитывал на то, что будет вежливо выставлен за дверь...

Два года спустя вышеозначенные товарищи выдали письменную характеристику Д. И. Когану, 1922 года рождения, беспартийному, образование низшее, написанную в лучших традициях эпохи сентиментализма.

«К своим обязанностям относится добросовестно, производственный план, как сам лично, так и парикмахерская, систематически перевыполняют. Дисциплинирован, никаких замечаний, кроме благодарностей за хорошую работу, не имеет».

Ликуй, парикмахер!

И ликовать бы ему, да тут произошло одно не предвиденное руководителями комбината событие литературного, что ли, порядка. В местной комсомольской газете «Молодой ленинец» появился фельетон, из которого с ужасающей несомненностью вытекало, что «отличный» работник:

занимался спекуляцией легковыми автомашинами, приобретенными незаконным путем, и за короткое время продал шесть штук, положив в карман изрядный куш;

обворовывал молодых учениц парикмахерской, присваивая себе их выручку;

склонял молодых женщин к сожительству;

выгонял неугодных ему людей.

Руководителям комбината ничего не оставалось, как, почесав затылки, признать, что и на солнце имеются некоторые отдельно взятые пятна. Всего через месяц после первой характеристики они подписали другую, где уже далеко не все было так лучезарно. Оказывается, Когану за время работы были объявлены:

строгий выговор за недостойное поведение по отношению к двум молодым клиенткам;

выговор за грубое нарушение кассовой дисциплины;

взыскание с понижением в должности за грубость и нетактичное поведение, нарушение закона о 7-часовом рабочем дне и «неправильное использование труда уборщиц в своих целях».

Вот до какой принципиальной высоты воспарили руководители комбината!

К сожалению, эти запоздалые «свят, свят!» не были по достоинству оценены. Если в и без того красочную биографию Д. И. Когана суд бестрепетно вписал: «Пять лет лишения свободы с конфискацией имущества», то Золотов и компания остались как-то в стороне. И мудро решили убраться от греха подальше. Директор комбината заторопился на заслуженный отдых, а его заместитель перепорхнул в облбытуправление на скромную, но благородную должность юрисконсульта.

Что касается нашего героя, то, исправно отбыв срок наказания, он хотел было прихватить свою трудовую книжку с двумя выцветшими благодарностями за 1954 год и отбыть куда-нибудь подальше от Волгограда...

Но друзья остаются друзьями. Тот же юрисконсульт за рюмкой «Столичной» терпеливо наставлял молодого выпускника мест заключения:

— Дурень, зачем тебе куда-то ехать? Кто тебя там где-то знает? А тут ты хорошо известен.

— В том-то и дело,— горестно вздыхал выпускник.

— К нам иди! — уверенно воскликцал юрисконсульт.— У нас отличное начальство!

— Так ведь прошлое вспомнит.

— Плохо ты его знаешь.

Владимир Иванович Сиволапов оказался прав. Реальность перекрыла самые сладкие грезы Д. И. Когана. Меньше чем через два года после трогательного расставания с тюремной койкой он вселился в новую кооперативную квартиру, купил себе автомобиль и стал заведовать крупнейшим в городе дамским салоном «Локон».

Правда, если быть точным, наш герой сначала стал заведующим салоном со скромным сторублевым окладом, а уж потом приобрел все остальное. Но это детали. А главное вот что: уловив, что милейший начальник областного управления бытового обслуживания населения Александр Евтехеевич Сиротенко почитает за честь называться его другом, Коган принялся хозяйствовать так, будто салон принадлежит лично ему.

И все пошло по-прежнему.

Деньги. Их много теперь у Когана. Откуда?

Старый дамский парикмахер, ушедший на пенсию, терпеливо, как непонятливому ученику, объясняет мне:

— Скажите, какая женщина не сунет в карман мастера рубль за то, что он навел красоту? Пусть в салоне за день побывает восемьдесят клиенток — это восемьдесят рублей. Половина этой суммы перекочевывает в карман заведующего. Тот, кто не согласен с такой финансовой системой, вылетает из салона, как пробка. Но это не самый главный доход. В «Локоне» изготовляются шиньоны и косы. А для них нужен конский волос, который ценится чуть ли не на вес золота. Коган сам отправляется за волосом в Москву, и все делают вид, что не знают, каким путем он его достает и сколько привозит. Два лишних шиньона, изготовленных и неучтенных,— это пятьдесят рублей. Ой, сколько сбыто таких шиньонов!..

Бывшая работница салона Галина Папченко уточняет технологию воровства:

— Нам полагается изготовить один шиньон за три дня. А девочки делают за это время по три—пять штук больше. Коган и забирает этот излишек себе, а нам за них даже не оплачивают.

Однажды, когда заведующий салоном был болен, неожиданно нагрянула комиссия, которая обнаружила 18 готовых, но неоприходованных кос. Стоимость каждой — 17 рублей. Хотели составить акт, но мгновенно выздоровевший шеф закатил истерику. А из бытуправления последовал строгий окрик:

— Не сметь нервировать шефа!

И не посмели...

Женщины. Этот полинявший, истрепанный мартовский кот по-прежнему к ним неравнодушен. Он позволяет себе приносить в цех, где работают в основном восемнадцатилетние девушки, порнографические снимки и, смакуя, показывает их. Как-то одна из работниц, мать двоих детей, гневно воскликнула:

— И вам не стыдно, вы же в отцы им годитесь!

В ответ она услышала:

— Не нравится? Можешь отсюда убираться.

И, кстати, ей действительно вскоре пришлось уйти «по собственному желанию».

Увидев однажды в салоне приглянувшуюся ему молоденькую клиентку, этот мерзавец нагло предложил:

— Плачу восемьдесят рублей наличными за одну только встречу.

Девушка выбежала из салона вся в слезах.

Возмущенная мать девушки, уважаемый в городе врач Зоя Васильевна Ч., обратилась за помощью в милицию.

Где заявление Зои Васильевны, почему никаких акций за ним не последовало — никто сказать не может.

Вынуждены были уйти с работы молодые мастера Лида Геваркян, Нина Кривцова. Многочисленные письменные жалобы работников и клиенток салона на грубость, нечистоплотность, хамство, произвол распоясавшегося хозяйчика тихо и мирно оседают в различных организациях. Сигнализация не срабатывает, словно ее выключили...

А тем временем в салон вплывает Очень Важная Дама. И лучшие мастера делают ей прическу в служебном кабинете заведующего. В салоне уже знают: это жена самого А. Е. Сиротенко, и ее, конечно, нужно принять вне всякой очереди. А вон та, та или та — эти ничего, эти могут и подождать.

Когда непосредственным начальником Когана, директором городской конторы парикмахерского хозяйства стал молодой специалист, бывший комсомольский работник Юрий Иванович Душутин, он не захотел мириться с лихими нравами, царящими в крупнейшем салоне города. Он выносит Когану взыскания, ставит вопрос о снятии его с должности... Тогда Сиротенко вызвал Юрия Ивановича для откровенной беседы.

— Как вы не понимаете, Юрий Иванович,— поучал и увещевал молодого специалиста солидный начальник облбытуправления,— Коган — это золотой человек, и вы его лучше не трогайте!

С легкой руки Сиротенко опекают Д. И. Когана и другие.

В Волгограде еще трудно с телефонами. Город растет быстрее, чем телефонная сеть. Я могу назвать немало организаций, в том числе и лечебных, которые никак не могут установить у себя долгожданный аппарат.

Другое дело — дамский салон «Локон». Едва доходит до него — тотчас появляется увесистая резолюция заместителя председателя облисполкома Анатолия Ивановича Жданюка: «Очень прошу решить с телефоном».

Ну, сами понимаете, когда начальство очень просит...

Правда, начальник телефонной станции Александра Александровна Колтонова на первых порах пыталась занять оборону. Куда там! Грозные звонки из облисполкома, из многих других высоких организаций потребовали установить в салоне телефон. Даже два аппарата.

Да что в салоне! Тридцать тысяч волгоградцев терпеливо ожидают своей очереди, когда, наконец, обзаведутся квартирными телефонами. Когану же предлагают установить без всякой очереди. И опять под таким нажимом, что Александра Александровна вынуждена сдаться.

Почему бы это?

Ведь Д. И. Коган — отнюдь не избранник народа. Не академик. Не герой. Не мореплаватель. И тем более не плотник. За какие же благодеяния низринулся на него золотой дождь нежных чувств, забот и поощрений?

Не знаю, не знаю... Может быть, потому, что у него есть надежные покровители и друзья?

Но не о них ли это: «Скажи, кто твой друг, и я скажу...»

г. Волгоград.

А. ВЛАШИН

Рассказ

Рационализатор

Уже два месяца, как мы справили новоселье.

Да-а, отдельная квартира — благо, и то, что в связи с переездом возникла проблема транспорта, меня не беспокоит. Транспорт — это не смертельно. Неприятно, конечно, и волнует перспектива опоздать на работу, но, повторяю, это не смертельно. Первое время было трудно. В рейсовый автобус не сядешь, и приходилось ловить такси и попутные машины. И, конечно, все это дорого.

Да, было трудно, но я почему-то не терял надежды, что положение улучшится. Как улучшится, я не представлял. Просто было такое предчувствие. И, представьте, оно сбылось.

Однажды утром, как обычно в половине восьмого, я вышел на улицу и смотрел, не покажется ли подходящая машина. Стою пять минут, десять, и вдруг автобус... Небольшой автобусик — человек на двадцать... Проехал на стоянку и остановился. Вижу, бегут к нему люди. Прибежал и я, лезу в автобус.

— Машина до молокозавода,— предупреждает шофер.

Это мне по пути, но от молокозавода до места работы еще две трети расстояния... Но все же лучше быть сейчас на молокозаводе, чем стоять здесь. И я сел.

А люди продолжают заходить, и всех шофер так вежливо предупреждает:

— До молокозавода...

Некоторые издают недовольный возглас, поворачиваются и уходят, но большинство занимает места. Когда автобус наполнился, мы поехали. Прошло каких-нибудь пять минут, и вот молокозавод. Шофер останавливает машину и отбирает у выходящих людей пятаки. А я почему-то сижу... Не то задумался, не то забыл, что нужно сходить. Когда все вышли, шофер спрашивает:

— А вы что?

— Я,— говорю,— поеду с вами.

— Но я еду по Владимирской...

— И мне нужно по Владимирской.

— Ну ладно,— говорит,— поедем.

А сам не едет.

Тут подбегают люди, спрашивают:

— Куда автобус?

Шофер отвечает:

— До Госбанка.

Это по моей дороге, не доезжая до места работы километра два...

Набрал шофер полный автобус, и мы поехали дальше. И как сказал, так и сделал: возле Госбанка остановил машину, высадил пассажиров и отобрал пятаки. А я сижу. Когда все вышли, шофер спрашивает:

— А вам, собственно, куда?

— Мне,—говорю,— до центра.

— Так я еду по Тверской...

— А мне безразлично, по какой.

— Ну, тогда поехали.

А сам не едет. Тут подбегают люди, кричат:

— Куда машина?

Шофер отвечает:

— До центра.

Скоро автобус заполнился, и мы поехали.

Из автобуса я выходил последним и, когда подавал пятак, дружески спросил:

— Скажите, пожалуйста, почему вы не везли пассажиров до центра?

И он чистосердечно ответил:

— А что я... За пятак буду их через весь город везти?

Конечно, шофер был прав... Три пятака больше, чем один. Но дело не в этом. Дело в том, что эта поездка как бы сблизила нас. И когда на следующее утро я опять зашел в автобус, шофер сказал:

— До молокозавода...— И хитро подмигнул мне.

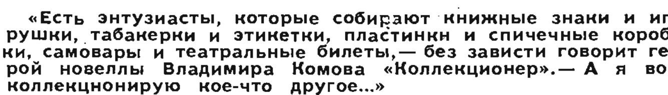
г. Донецк.

Рисунок Е. ГУРОВА

— Как видите, мы перестроились и заметно сократили управленческий аппарат.

УЛЫБКА 70

РАСПИШИТЕСЬ, ГРАЖДАНЕ!



«Есть энтузиасты, которые собирают книжные знаки и игрушки, табакерки и этикетки, пластинки и спичечные коробки, самовары и театральные билеты,— без зависти говорит герой новеллы Владимира Комова «Коллекционер».— А я вот коллекционирую кое-что другое...»

Какое же хобби у этого энтузиаста? Оказывается, он собиратель автографов. Однако он коллекционирует подписи вовсе не кинозвезд и не ученых, изучающих звездные туманности. Автографы эти особые. Это подписи под резолюциями хозяйственных деятелей, которые более года клянутся отремонтировать такой, например, сложный агрегат, как сливной бачок в месте общего пользования. Клянутся — и не ремонтируют...

Впрочем, этой коллекцией бюрократических подписей дело не ограничивается. Вместе с Центрально-черноземным книжным издательством писатель-сатирик Владимир Комов создал в своей книжке рассказов «Дедушка с рекламациями» солидную коллекцию автографов и таких сатирических персонажей, как склочники и халтурщики, очковтиратели и приспособленцы, невежды и болтуны.

ОТЧЕГО ВЫИГРЫВАЕТ ФУТБОЛ!

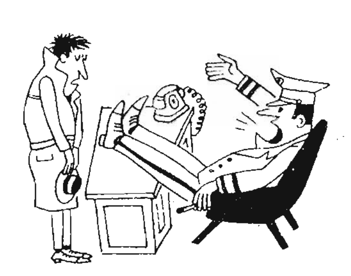
Это вопрос к знатонам футбольных баталий, к болельщикам, знающим назубок таблицу футбольного первенства страны и мира.

Пока они ломают голову над ответом, приведем выдержку из одной книги, появившейся на прилавках книжных магазинов:

«Люди с чувством юмора желательны всюду, и от общения с ними выигрывает и футбол».

Вот так, оказывается, обстоит дело. Юмор и футбол — две, казалось бы, несовместимые вещи. Однако автор книги «Звезды большого футбола» Николай Старостин доказывает, что остроумие, как ничто другое, «помогает нервной разрядке игроков». Если пожелаете разрядиться, попытайтесь приобрести эту увлекательную и очень веселую книгу, вышедшую в издательстве «Физкультура и спорт».

ПРОСТО АНЕКДОТ



Начальник полиции вызывает сыщика, упустившего преступника, за которым ему было велено следить.
— Как это произошло?
— Он пошел в кино, а я этот фильм уже видел.

●

Утром в ресторан приходит с черного хода взволнованный мужчина.
— Простите, вы не скажете, был ли я здесь вчера вечером?
— Да, были.
— И я пропил у вас две тысячи злотых?
— Да.
— Слава богу! А я уж испугался, что потерял их.

●

Двое приятелей обедают в ресторане. На первое им приносят черепаховый суп. Один из них говорит с возмущением:
— Я не вижу в этом супе ни кусочка черепахи!
— Что же в этом удивительного? Уверяю тебя, что в «королевском торте», который мы заказали на сладкое, ты не найдешь ни кусочка короля!

●

Разговаривают двое мужчин:
— Ты знаешь, я открыл безотказную систему выигрыша в преферанс.
— Это невозможно. При любой системе сегодня выигрываешь, завтра проигрываешь.
— Вот именно! Поэтому я играю только через день!

●

— Доктор, мой муж вообразил себя лошадью. Ест овес, прибил себе подковы, а когда я обращаюсь к нему, он ржет. Вы не могли бы его вылечить, сэр?
— Конечно, могу, но это будет стоить очень дорого, мадам.
— Деньги для нас не имеют значения. Только на прошлой неделе муж дважды первым приходил на скачках.

●

— Мне никогда не везло с женами. Первая выгнала меня, вторая ушла от меня, а третья до сих пор еще со мной.

●

Девица рассказывает о знакомом:
— С тех пор как Джонни отпустил длинные волосы, бороду, усы, бакенбарды, он выглядит гораздо интеллигентнее. Правда, не видно лица...

●

— Давай сейчас крикнем: «А король голый!»
— Но с такого расстояния мы не видим, голый он или нет.
— Зато и он не услышит, что мы крикнули.

●

А. ФИНЬКО

«НАДКУШЕННЫЕ ПИРОЖКИ»

Дело было так. В зенит плавно карабкалось солнце. Далеким детством пахла трава. Траву загадочно нюхали муравьи. В общем, природа толкала на шалости. И Геннадий Яковлев, подгоняемый поэтическим бризом, пришвартовался правым бортом к редакции республиканской газеты «Молодой коммунист». И, не мешкая, прочел:

Тридцатый год
Бессчетно — первый раз
Кидаюсь в травы, пахнущие детством,
Разглядывать, как пьет росу бекас
И муравьев загадочные действа...

На следующий день стихи были опубликованы, и читатели обнаружили, что в поэтическое созвездие Чувашии энергично вписывалась новая звезда пока еще неопределенной величины.

Ветер дул в паруса поэта ласково и попутно. Как признался автор в одном из следующих стихотворений:

В парусах моих
Ветер России:
Хорошо паруса парусят!

И вдруг затрещали мачты. Опубликованное в «Советской России» стихотворение «Моя Россия» оказалось не авторизованным переводом с чувашского поэта-переводчика Геннадия Яковлева, а одноименным стихотворением ленинградского поэта Анатолия Аквилева из его сборника «Позови меня», вышедшего в издательстве «Советский писатель» еще в 1960 году. И не только одноименным. Однозапятным. Одноточным. Строчно-в-строчным...

Пришлось Г. Яковлеву за свои поэтические шалости переключиться на казенную прозу объяснительных записок в Союз писателей Чувашской АССР. Мол, глазам своим не верю... Личные архивы подвели... Переписал, дескать, когда-то в блокнот чужое стихотворение, а потом принял за свое. Ну и, конечно, впредь подобное ни-ни...

А потом вновь подкрадывалось к зениту солнце. И цвел на снегу багульник. И литсотрудник областной газеты «Коммунизм ялаве» Геннадий Яковлев смело вводил в свою поэзию «кулер локаль», то есть местный колорит:

Опять расцвел багульник на снегу,
Опять теплу непрочному поверил...
(«Цветы в сугробах»).

Чтоб стоял он
Стожок стожком —
Не надкушенным пирожком...
(«Стога»).

Леса, леса,
Я вас люблю,
Но и жестоко поступаю,
Когда вас на землю валю...
(«Леса, леса...»)

И когда в Чувашском книжном издательстве стал готовиться к изданию сборник молодых литераторов республики «Парус», Г. Яковлев отобрал для него шесть лучших из ранее опубликованных в «Молодом коммунисте» стихотворений. Своим творчеством он как бы извинялся перед читателями за допущенный некогда плагиат.

А потом одному любителю поэзии дальневосточное растение багульник в стихотворении Г. Яковлева показалось липой. Другому показалось, что про «стожки-пирожки» он где-то уже читал. Третий категорически заявил, что с такой же сентиментальной жестокостью относится к лесам и иркутский поэт Анатолий Преловский.

Да, все «яковлевские» стихи, вошедшие в «Парус», принадлежат перу Анатолия Преловского. Они были опубликованы в его сборниках, вышедших в Иркутском книжном издательстве и в издательстве «Советский писатель». А Геннадий Яковлев лишь совершал на них пиратские налеты и возвращался к гостеприимным берегам с богатой добычей.

г. Чебоксары.

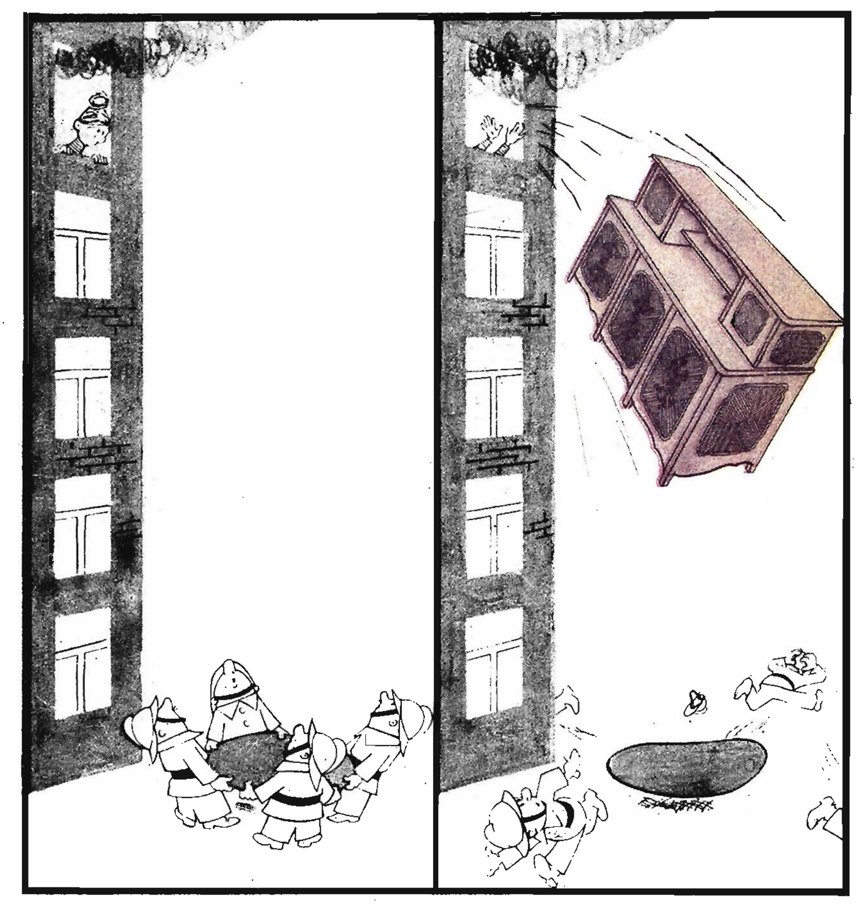


Рисунок В. СВИРИДОВА

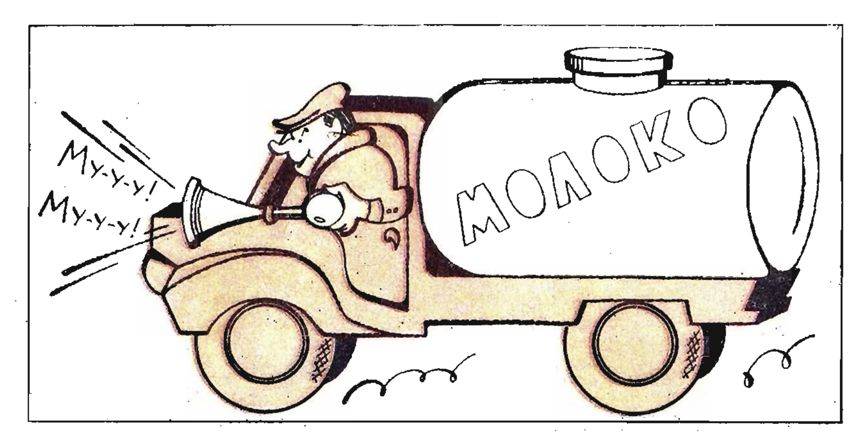
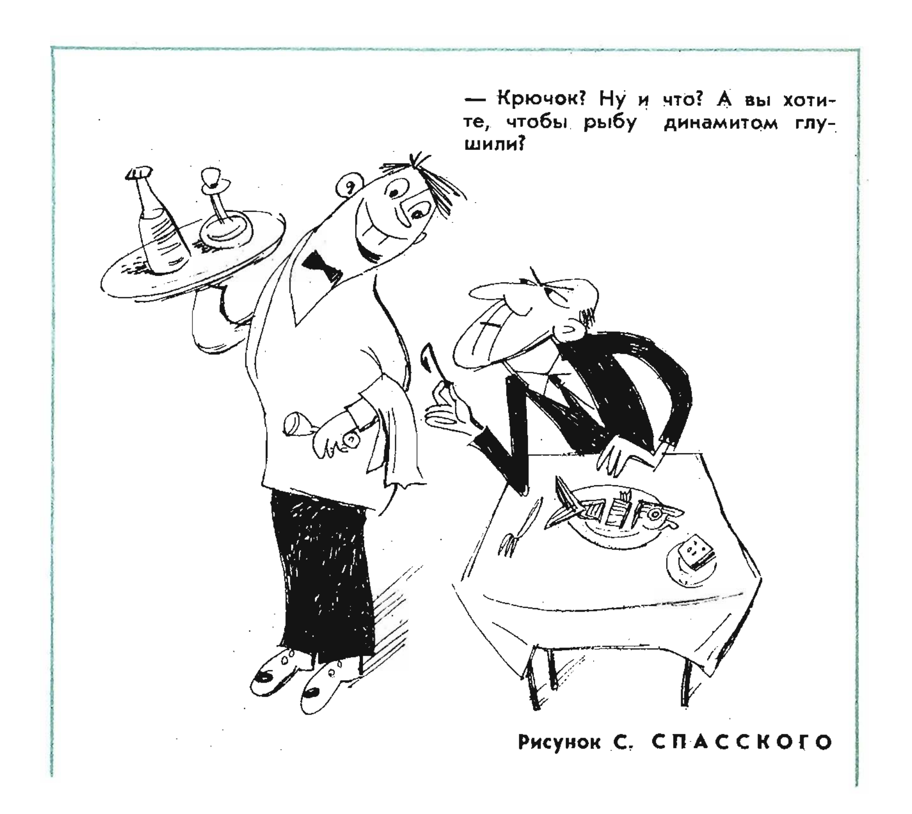


Рисунок М. ВАЙСБОРДА



— Крючок? Ну и что? А вы хотите, чтобы рыбу динамитом глушили?

Рисунок С. СПАССКОГО



НА ПОРОГЕ НЕПОПРАВИМОГО

В гостях Иван Маслихов, нечего скрывать, выпил. Он выпил умеренно, можно сказать, культурно, но в данном случае это не имеет значения. Потому что домой Маслихов отправился не пешком, а на собственном мотоцикле «ЯВА-250».

Каждый водитель автомототранспорта, употребивший хоть толику спиртного, должен отчетливо сознавать, что он подобен снаряду: и другим может вред причинить и сам разлетается вдребезги. Но Маслихов об этом не думал.

Такое легкомыслие к добру, понятно, не приводит. Щадя нервы и воображение читателей, не будем живописать ужасающих подробностей надвигавшейся катастрофы. Тем более, что ее, к счастью, не произошло. Ибо на пороге непоправимого ночную тишину прорезал требовательный милицейский свисток.

Автоинспектор тов. Попов, квалифицированно распознав исходившие от мотоциклиста ароматы, сказал:

— Имеем налицо управление транспортом в нетрезвом состоянии. Возражаете?

Маслихов не возражал.

— Согласно действующему законодательству, немедленно отлучаю вас от руля. Возражаете?

И опять возражений не последовало.

— За мотоциклом, а также соответствующим наказанием прибудете завтра в Ждановскую городскую ГАИ.

Тут уж возражать было и вовсе не против чего.

На следующий день терзаемый раскаянием Маслихов робко переступил порог Ждановской автоинспекции.

— Прощайтесь с личным транспортом, гражданин нарушитель,— сурово, но справедливо сказали в инспекции.— Пьющим не место за рулем.

— Конфискуете? — уныло уточнил Маслихов.

— Увы, не имеем права. Просто реализуем через комиссионный магазин.

— А деньги мне?

— Да, но за вычетом штрафа. Впрочем, штраф можете уплатить сразу.

Маслихов уплатил.

— А когда явиться за деньгами? Через месяц?

— Даже через неделю.

Но за неделю продать мотоцикл не удалось.

Маслихов явился через месяц, потом еще через месяц. Полгода, год заглядывал он в автоинспекцию, и все напрасно. Не продавался злополучный мотоцикл!

И лишь после того, как отчаявшийся Маслихов обратился в местную газету «Приазовский рабочий», все стало на свои места. Заместитель начальника ГАИ тов. Белый, пригласив жалобщика на конфиденциальную беседу, бестрепетно заявил:

— Украли ваш мотоцикл.

— Как украли?

— Известно, как — преступно. Прямо с нашего милицейского двора.

— А что же теперь?

— Искать будем. И как только найдем, сразу и реализуем. Ждите.

Маслихов терпеливо ждет вот уже два с половиной года. И лишь в редкие минуты тоски пишет жалобы. Дескать, нельзя ли искать пооперативнее? Или просто выплатить деньги, поскольку он, Маслихов, в пропаже нисколько не виноват.

Конечно, ежели подходить строго по закону, то он прав. Но, с другой стороны, что деньги? Вода. Сегодня они есть, а завтра их нет.

Зато милицейский свисток, остановивший Маслихова в полукилометре от дома, предотвратил непоправимое. Ибо выпивший водитель — помните! — подобен снаряду: причинит ли другим вред, еще неизвестно, зато сам при столкновении, как правило, разлетается вдребезги.

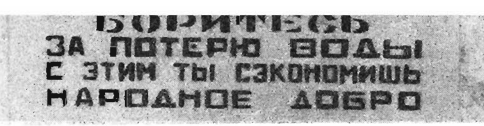
Н. ВОЛОДИН

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Начальнику цеха 45 тов. Абрамову А. А. от шофера Валеева Объяснение

25 декабря 1969 года в 13—14 часов подъехал Макаров ко мне. Попросил доработать его смену, говорил, что ему надо вот так! У меня выходной день, я послушался. Подъезжая к проходной, меня стали нюхать и подозревать, тогда я понял, почему Макаров не стал работать смену. Нюхать я его не нюхал, но по заднему фонарю понял, что он был с похмелья, потому что задний левый фонарь был разбит.

Копию снял Ю. Корякин, г. Ижевск.



Прислал Ю. Давыдов, г. Абовян.



Я не мог сразу расшифровать эту вывеску и сфотографировал ее, чтобы поразмыслить на досуге. Пока проявлял, закреплял, печатал — все время думал. Пять последних букв не стали долго испытывать мою выдержку — поддались расшифровке: ЗСУ ГА — значит Западно-Сибирское управление гражданской авиации. К сожалению, проявить значение остальных букв мне не удалось.

П. КОКОРИН, г. Новосибирск.

А. СЕМЕНОВ

ПРО СНЕГОВИКОВ



Обнаженная натура.



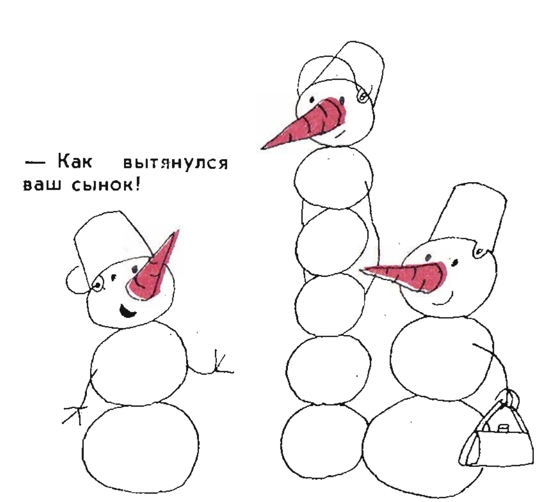
— Ничего фигурка, а?

— Все закаляешься?



— У больного явно повышена температура!





— Как вытянулся ваш сынок!

КРОКОДИЛ

№ 5 (1943)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»



Темы рисунков этого номера придумали:

М. Вайсборд, Е. Гаврилин, Ю. Ганф, А. Грунин, Н. Елинсон, С. Кузьмин, Н. Лисогорский, В. Свиридов, И. Сычев, А. Цветков.



Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:

М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ (зам. главного редактора)
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН (ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Н. И. ШТАНЬКО
Е. А. ШУКАЕВ (художественный редактор)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

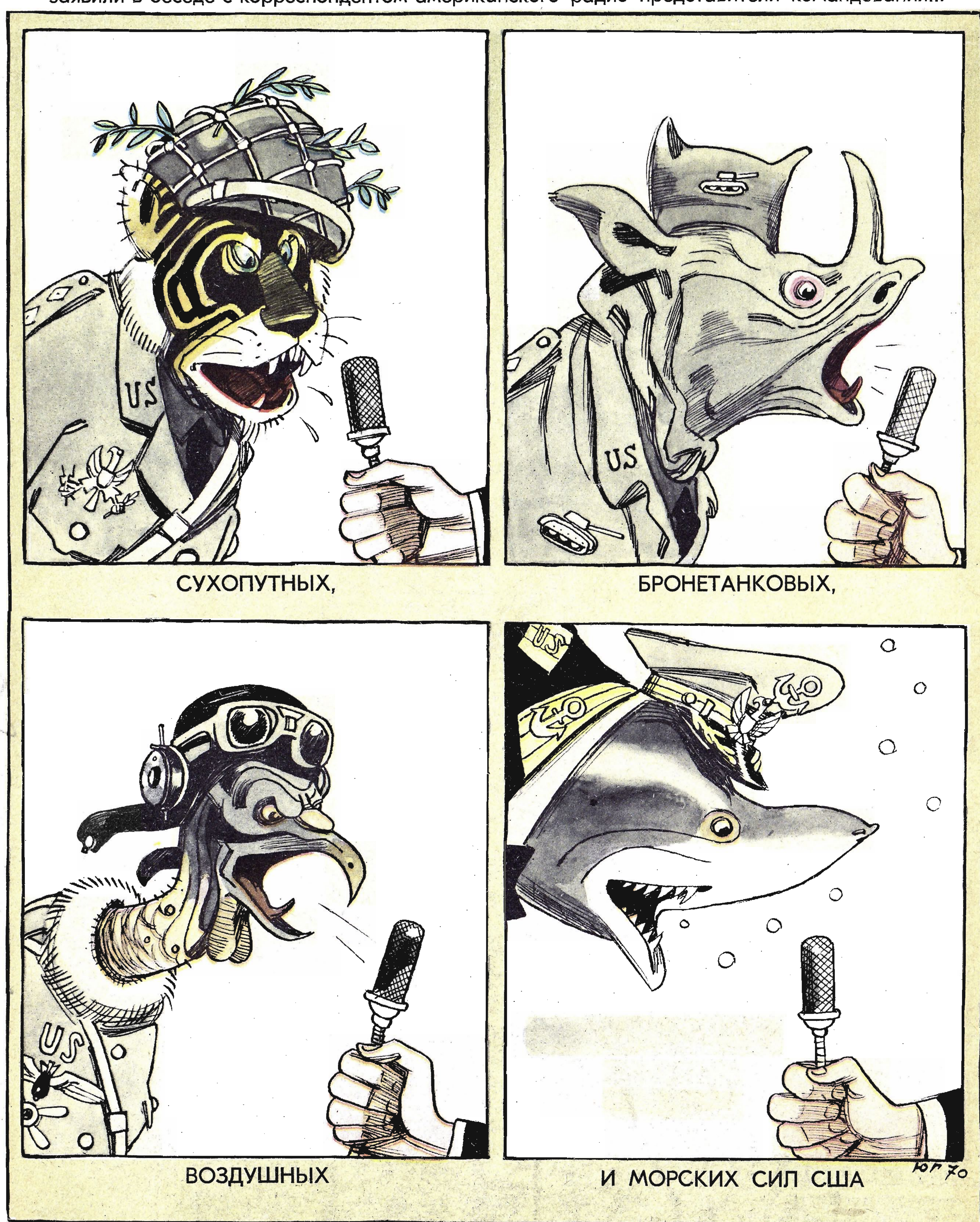
Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

А 06316. Сдано в набор 2/II 1970 г. Подписано к печати 10/II 1970 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 740 000 экз. I завод: 1 — 4 662 000. Изд. № 249. Заказ № 342.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

— МАКСИМУМ ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЯ ПРОЯВЛЯЮТ НАШИ РЕБЯТА В ЮЖНОМ ВЬЕТНАМЕ,—

заявили в беседе с корреспондентом американского радио представители командования...



Цена номера 12 коп.
Индекс 70 448

Рисунок Ю. ГАНФА